ЗАБЫТЫЕ СУДЕБНИКИ (1589 и 1606/07)

Аннотация. В статье рассматриваются два Судебника: 1589 и 1606/07 гг. По необъяснимым причинам, эти два крупных сборника законов почти выпали из поля зрения советской и современной историко-правовой науки. Задачей настоящей статьи является восстановление незаслуженно забытых памятников права конца XVI — начала XVII вв.: Судебника 1589 г., принятого в период царствования Федора Иоанновича и Сводного Судебника 1606/07 гг., обещанного народу Лжедмитрием I и увидевшего свет при царе Василии Шуйском.

Оба Судебника оказали значительное влияние на дальнейшее развитие права. В Судебнике 1589 г. осуществлена первая систематизация законодательства, вышедшего за период, последующий за принятием Судебника 1550 г., охватывающий царствования Федора Иоанновича и Бориса Годунова. Многие нововведения этих Судебников отличались большим демократизмом по сравнению с предшествующим законодательством. Целью этого правового сборника являлось урегулирование отношений, складывающихся на Русском Севере, не знавшем феодального землевладения и крепостного права.

Судебник 1606/07 гг. регулировал более обширный по объему круг отношений, нежели Судебник 1589 г. Перед составителями Сводного Судебника стояли масштабные задачи: урегулирование взаимоотношений правительства с дворянством, на которое хотел бы опереться Лжедмитрий, а также отношений крестьянства как с правительством, так и с их владельцами — дворянами и детьми боярскими, при этом крен в любую сторону вместо налаживания отношений мог привести к их осложнению, поэтому Лжедмитрий осторожно балансировал между социальными группами населения, чем и объясняется компромиссный характер Сводного Судебника.

Судебник 1606/07 гг. является интереснейшим юридическим памятником, представляющим в истории русского права первый опыт общей систематизации права в виде кодификации действующего законодательства. В нем нормативные акты были объединены по предмету регулирования в главы, а однородные главы в грани, которых насчитывается в Судебнике 25. Впоследствии этот способ систематизации нормативных актов был воспринят членами Приказа Н. И. Одоевского при составлении Соборного уложения.

Следует учитывать также, что Судебники 1589 и 1606/07 гг., независимо от их применения, свидетельствуют об уровне юридического мышления и степени юридической квалификации, достигнутой законодателями России в конце XVI — начале XVII в. Они представляют существенный интерес для историков права еще и потому, что именно в них нашли свое наиболее полное отражение события, сотрясавшие Россию в конце XVI — первом десятилетии XVII в. Принятые в этот период нормативные акты в основном стали известны дальнейшим законодателям благодаря текстам этих Судебников.

В статье внимание в наибольшей степени сосредоточено на государственно-правовых отношениях, судоустройстве и судопроизводстве, а также предпринятой Судебниками 1589 и 1606/07 гг. борьбе с взяточничеством в судебной системе. Рассмотрение принципов репрессивной политики государства позволило опровергнуть устоявшееся в советской и современной литературе мнение об усилении «принципа устрашения» в конце XVI в. и на основа-

© Чупова М. Д., 2017

* Чупова Мария Дмитриевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
chupova@bk.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

нии анализа применения санкций статей обоих Судебников, предусматривающих наказания за совершения преступлений, в том числе и тяжких, судами, доказать демократический характер проводимой в них наказательной политики.

Ключевые слова: Судебник 1589 г., Судебник 1606/07 г.; государственно-правовые отношения, судоустройство и судопроизводство, борьба со взяточничеством, судебная система, уголовная политика, систематизация законодательства, кодификация права, русский Север, феодальное землевладение, крепостное право.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.184-207

Конец XV — начало XVII в. было временем расцвета законодательной инициативы в России, отмеченной принятием четырех Сборников законов (1497, 1550, 1589 и 1606/07 гг.), а также серии указов, приговоров и уставных грамот, регулирующих государственное строительство, военное устройство, социальную политику, судоустройство и судопроизводство. Весь корпус этих узаконений был введен в действие всего за 110 лет. Появление четырех сборников законов¹ и значительного количества нормативных актов, за такой короткий с исторической точки зрения период, объясняется активизацией государственно-правового строительства, связанного с объединительным процессом земель под властью великого князя Московского (с 1547 г. — царя), ускорением экономического развития, централизацией аппарата власти и управления, налаживанием его связей с местными властно-управленческими структурами и судами.

Однако далеко не все вышеназванные Судебники и нормативные акты оказались в центре внимания исследователей. Малоизученным, вплоть до настоящего времени, остается все законодательство, принятое во время династического кризиса, Смуты, гражданской войны и нашествия интервентов. Хронологически к этому времени относится весь исторический период, начиная с конца XVI в. и до начала — начала XVII в.²

Предметом рассмотрения настоящей статьи являются два «забытых» Судебника: 1589 и 1606 гг. По совершенно необъяснимым причинам эти два крупных сборника нормативных актов почти выпали из поля зрения советской и современной историко-правовой науки. Между тем эти Судебники являлись существенной вехой в развитии российского права. В Судебнике 1589 г. впервые предпринята систематизация нормативных актов в виде кодификации, произведенной при совмещении старых и новых норм с полным или частичным изменением их содержания, кроме того, в нем содержится информация о земельных отношениях на русском Севере, не знавшим крупного феодального землевладения и крепостного права, а также «богатый материал по судоустройству и судебному процессу конца XVI в.»³. Многие его нововведения отличались большим демократизмом по сравнению с предшествующими Судебниками. М.Ф. Владимирский-Буданов отметил эту черту Судебника 1589 г.: «...памятник возбуждает большой интерес как голос из народа конца XVI в. по разным вопросам государственной жизни и законодательства, автор многое взял из живого обычного права северной России»⁴.

В Сводном Судебнике 1606/07 г. была применена более высокая юридическая техника систематизации норм права, неизвестная ранее российскому законодательству, которой

¹ Существует версия, что между Судебниками 1497 и 1550 гг. был еще Судебник Василия III, не дошедший до нас (Строев П. М., Калайдович К. Ф. Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819. С. XVI—XVII).

² Известный исследователь Смуты С. Ф. Платонов (Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937) исчисляет Смуту периодом: начиная с 1589 г. (смерть Федора Иоанновича) и до 1613 г. — избрание царем Михаила Романова.

³ Введение к Судебнику 1589 // Памятники русского права / под. ред. Л. В. Черепнина. Вып. 4. М., 1956. С. 410.

⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Судебник 1589 г. Его значение и источники. Киев, 1902. С. 65.

впоследствии воспользовались члены Приказа Н. И. Одоевского при составлении Соборного Уложения 1649 г.⁵

Следует учитывать также, что оба Судебника независимо от степени их применения свидетельствуют об уровне юридического мышления и юридической квалификации, достигнутой законодателями России в конце XVI — начале XVII вв. Поэтому вряд ли возможно согласиться с мнением В. А. Рогова, что «Судебники 1589 и 1606/07 гг. можно до известной степени не принимать во внимание из-за весьма ограниченного их практического значения»⁶. К тому же вопрос о практическом их применении не изучен в достаточной степени.

СУДЕБНИК 1589 г.

В конце XIX в. в архивах Москвы и Санкт-Петербурга С. К. Богоявленским обнаружены пять списков Судебника 1589 г. и один из них, по списку Мазурина, был опубликован им, как наиболее полный, в 1900 г.⁷ Все обнаруженные списки поделены на две редакции: Краткую и Пространную. При изучении памятника возникла дискуссия о хронологическом происхождении редакций. А. И. Копанев и А. Г. Поляк выделили два направления (два этапа — А. И. Копанев) в его исследовании: одно из них представлено исследователями, утверждающими, что первоначальной является Пространная редакция, а Краткая — ее отредактированный и сокращенный вариант⁸; другое, напротив, обосновывало вывод о более раннем появлении Краткой редакции, полагая, что Пространный ее вариант явился завершающим этапом работы над текстом Судебника 1589 г.⁹

А. И. Копанев убедительно доказал первоначальность Краткой редакции, составленной до появления Судебника 1589 г., сославшись на записи, обнаруженные в двух списках Краткой редакции: Музейском и Барсовском. В Музейском списке имела следующая запись: «Новый приговор царя и великого князя Федора Иоанновича вся России под прежние главы»; в Барсовском — «Новый приговор царя и великого князя Федора Иоанновича вся России к прежнему Уложению», т.е. Судебнику 1550 г. Причем оба списка Краткой редакции, содержащие такие сведения, «находятся в рукописях после списков Судебника 1550 г., являясь дополнением к нему». Таким образом, «Краткая редакция» Судебника 1589 г. составлялась как дополнение к Судебнику 1550 г. и применялась в волостном суде в соединении с ним»¹⁰. При составлении Пространной редакции применена более серьезная систематизация всего законодательного материала, в которую вошли: Судебник 1550 г., вышедшие после его издания нормативные акты и обновленные статьи Краткой редакции с прибавлением новых статей, принятых на основе обычаев, приспособленных уже автором Пространной редакции к регулированию отношений, возникающих на русском Севере. Расположение статей и их нумерация не совпадала с Судебником 1550¹¹.

До настоящего времени исследователи не пришли к согласию и относительно статуса Судебника 1589 г.: имел ли он официальный характер, т.е. был ли утвержден центральной властью либо он всего лишь «памятник литературный, не имеющий никакого официального значения»¹² или только «проект Судебника»¹³. Современный ученый Н. Е. Лаптева ответила на этот вопрос уклончиво: «Большинство исследователей отказывают ему [Судебнику 1589 г.]

⁵ К источникам Соборного Уложения как правило не относят принятые в период Смуты и гражданской войны нормативные акты, а между тем многие статьи из них не только послужили источником для составителей Уложения, но и получили почти прямое текстологическое воспроизведение в нем, что еще раз подчеркивает необходимость изучения этого комплекса нормативных актов.

⁶ Рогов В. А. Уголовное право и карательная политика в русском государстве XV—XVII вв. М., 1990. С. 41.

⁷ Богоявленский С. К. Предисловие. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. М., 1900. С. 65—66.

⁸ Андреев А. И. Судебник 1589 г. и его списки // Известия Российской академии наук. Л., 1924. С. 621—644.

⁹ Копанев А. И. Комментарий к Судебнику 1589 г. // Судебники XV—XVI вв. М., 1952, С. 426; Поляк А. Г. Введение к Судебнику 1589 г. // Памятники русского права. Вып. 4. С. 410.

¹⁰ Копанев А. И. Указ. соч. С. 425—426. Такого же мнения придерживается и А. Г. Поляк.

¹¹ Краткая редакция содержит 56 статей, Пространная — 231 статью.

¹² Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 65.

¹³ Исаев И. А. История государства и права России. М., 2009. С. 167.

в официальном статусе. Однако он, несомненно, применялся на присоединенных к Московии землях северо-запада, прежде всего Псковской и Новгородской республик». Далее следует заключение, касающееся уже обоих памятников права, которым, по мнению автора, «не суждено было стать официальными документами»¹⁴.

М. М. Богословский, изучавший дела волостных судов Устьянских волостей Введенского стана, обнаружил в одном из них протокольную запись, согласно которой стороны ссылались на две статьи Судебника 1589 г. (159 и 174). Суд доводы сторон учел, а вышестоящий суд с решением волостного суда согласился. На основании этих данных, а также обнаруженных им трех списков Судебника 1589 г. в судах Устьянских волостей Введенского стана М. М. Богословский пришел к выводу, что сразу после создания этого Судебника с него были изготовлены копии, предназначенные для применения их в практике волостных судов. Точку зрения М. М. Богословского разделил А. И. Андреев, характеризующий Судебник 1589 г. как «законодательное руководство для земских судей»¹⁵. С ним согласился А. И. Копанёв¹⁶.

Э. В. Георгиевский полагает, что «несмотря на изначальную конкретную и адресную направленность, Судебник 1589 г. был судебным руководством для земских волостных судей и признавался центральными правительственными учреждениями. По сути дела, Пространная редакция Судебника 1589 г. представляла собой Судебник 1550 г., приспособленный к условиям жизни северных волостей, и 56 статей собственно Судебника 1589 г. соединенных вместе»¹⁷.

В одном из списков Судебника 1589 г. наличествует Преамбула, из текста которой явствует, что этот правовой сборник принимался

в обычном для законодательства того времени порядке: «Государева Судебника новый приговор. В лета 7079-го июня в 14 день царь и Великий князь Федор Иоаннович всеа России приговорил и уложил сей Судебник с отцем своим духовным святейшим Московским Иовом патриархом, да с митрополитом Ноугородским Александром и со всеми князи и з бояры и со всем Вселенским собором по прежнему же уставу, по уложению отца своего благоверного царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа России и его братии и его прежних властей новыи сии главы к прежнему же уложению»¹⁸.

Известный советский историк Н. Е. Носов не видит оснований отказывать этому Судебнику в официальном статусе, поскольку очевидно, что нормы его применялись для нужд судопроизводства во всей Двинской земле¹⁹. А. Г. Поляк также не сомневается, что «Судебник 1589 г. был судебным руководством для земских волостных судей и признавался центральными правительственными учреждениями»²⁰. А. С. Смыкалин полагает, что Судебник 1589 г. «использовался в судебной практике северо-западной Руси, отличался самобытностью правовых норм и новым уровнем юридической техники... являясь своего рода пособием и комментарием для земских судей, действовавшим после отмены системы кормлений». Однако он тем не менее считает, что «отсутствие царского утверждения — одна из причин «забытости» Судебника 1589 г.»²¹. Не совсем ясна точка зрения этого автора: получается, что Судебник применялся судами, был для них «пособием и комментарием», но все-таки официальным не был. Этот вопрос по меньшей мере спорный; представляются более убедительными приведенные мнения Н. Е. Носова, А. И. Копанёва и А. Г. Поляка, утверждавших, что Судеб-

¹⁴ Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного права. М., 2011. С. 175.

¹⁵ Андреев А. И. Судебник 1589 г. и его списки // Известия Российской академии наук. Л., 1924. С. 623.

¹⁶ Копанёв А. И. Указ. соч. С. 423.

¹⁷ Георгиевский Г. В. К вопросу о преступном и наказуемом в эпоху Судебников XV—XVI вв. // URL: <http://www.lawinstitut.ru/ru/science/vestnik/20043/georgievsky.html>

¹⁸ Выражение «вселенский собор» употреблялось в документах и публицистике XVI в. в значении «Земский собор» (Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. М., Л., 1958. Тексты. Иное сказание. С. 191). Вполне возможно предположить, что при изготовлении списков Преамбула вошла не во все из них.

¹⁹ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о Земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 311.

²⁰ Поляк А. Г. Указ. соч. С. 410.

²¹ Смыкалин А. С. Законодательные акты конца XVI — начала XVII века. Екатеринбург, 2005. С. 11.

ник 1589 г. являлся официальным правовым сборником, регламентировавшим судоустройство и судопроизводство на русском Севере, а также регулировавшим отношения черносошного крестьянства и городского населения, определяя их права и обязанности²².

Географический ареал «Русского Севера или Поморья, как обычно называли земли по берегам Белого моря, Онежского озера и рекам Онеге, Северной Двине, Мезени, Печоре и Каме с Вяткой, включал почти всю половину России XVI в.». Для последующей судьбы всего этого края имел решающее значение «окончательный переход Двинской земли, как и всего новгородского Заволочья, в 1478 г. под власть Москвы», приведший к ликвидации на всей территории Заволочья новгородских боярщин, являвшихся главным оплотом феодализации этого края. В результате «весь Север стал теперь почти сплошь черносошным»²³. Н. Е. Носов считает, что действие Судебника 1589 г. распространялось на всю территорию Поморья, а не только на Устьянские волости Введенского стана²⁴, как предполагал М. М. Богословский. А. И. Копанёв, опровергая мнение М. М. Богословского, ограничивающего действие Судебника 1589 г. Устьянскими волостями, обратил внимание на то, что составитель (автор) Судебника 1589 г. расширительно толкует ст. 26 Судебника 1550 г., добавив к «гостям большим», упомянутым в этой статье, еще и «средних» и «мелких». Точно так же новыми являются и статьи 53 и 54 Судебника 1589 г., говорящие о бесчестии «городскому человеку доброму», и «молодчему человеку» городскому²⁵, т.е. имеет место добавление посадского населения в полное сословное состав. Подобное расширительное толкование статей Судебника 1550 г. является доказательством того, что Судебник 1589 г. отражал судебные

нормы, регулировавшие не только отношения сельского населения Устьянских волостей, но и жителей посада, причем от самых высших — гостей Новгородской республики до самых низших — «молодых людей». О значительно более широком ареале действия Судебника 1589 г. свидетельствует также упоминание в нем о монахах и монахинях, которых не имелось в Устьянских волостях, поскольку в них не было и монастырей, а также и о стрельцах, размещавшихся не в сельской местности, а в военных гарнизонах таких больших городов, как Архангельск и Холмогоры²⁶.

Прямым подтверждением факта распространения действия Судебника 1589 г. на всю территорию Поморья является и содержание ст. 223 и 224, посвященных очень важной для всего края проблеме: ответственности за состояние дорог. Следить за состоянием «государевой дороги» «с Москвы до Колмогор» поручалось волостным властям, на которые возлагалась и материальная ответственность за причинение вреда проезжающим из-за плохого состояния дороги («лошадь истепет (погибнет) или ногу изломит»). Причем платить за вред волостные власти обязывались «бес суда по сыску»²⁷. Местные власти должны были следить не только за сухопутными дорогами, но и за водными путями, проходившими по северному краю (ст. 224).

Большинство этих земель ранее, до вхождения в состав Московского государства, принадлежали Новгородской и Псковской республикам, характеризующимися демократическими традициями в организации политической и правовой жизни общества, что несомненно не могло не сказаться на содержании статей Судебника 1589 г. и их формулировках.

Правительство Федора Иоанновича, возглавляемое умным и дальновидным политиком Борисом Годуновым²⁸, понимало суще-

²² Памятники русского права. Вып. 4. С. 9—10. Мотивацию А. И. Копанёва и А. Г. Поляка об официальном статусе Судебника 1589 г. А. С. Смыкалин не рассматривает.

²³ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 14—15.

²⁴ Носов Н. Е. Указ. соч.

²⁵ Копанёв А. И. Комментарий к Судебнику 1589. С. 418—419.

²⁶ Копанёв А. И. Указ. соч. С. 419.

²⁷ М. М. Богословский, рассказывая про эту дорогу, отмечал, что «шла она через Вологду, пересекала Сухону и притоки р. Кубины и направлялась к верховьям р. Ваги, а затем шла то тем, то другим берегом Ваги и выходила на Двину при впадении в нее речки Пянды» (Богословский М. М. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Дек. С. 379).

²⁸ Дьяк Иван Тимофеев высоко оценивает Бориса Годунова: «Были у нас до него умные цари, но их ум лишь тень ума его» // Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 56, 223.

ственные отличия жизни людей, проживающих на северных территориях, от условий, существовавших в центральных районах страны, заключающиеся в географическом расположении и климате (неплодородная земля, более суровая погода: длительные зимы, короткое холодное лето), во многом определившие их обычаи, нравы и занятия (предпочтение ремеслам и торговле по сравнению с земледелием) и социальный статус (отсутствие крепостного состояния). Вся совокупность этих факторов формировала складывающиеся отношения на русском Севере, что и послужило причиной появления особого законодательного сборника для их урегулирования²⁹.

По поводу источников Судебника 1589 г. особых разногласий между исследователями не наблюдается. К ним, как правило, относят: Судебники 1497 и 1550 гг., документы Стоглавого собора (1551), царские приговоры, Уставные и Судные грамоты, вышедшие в период реализации Губной и Земской реформ (30— 50-е гг. XVI в.)³⁰, направляемые на разные территории, в связи с предусмотренными этими реформами, изменениями в организации и деятельности местной власти, а также в судопроизводстве³¹. Не исключено также и влияние Новгородской и Псковской судебных грамот, откуда во многом и были почерпнуты демократические принципы организации и деятельности местных органов власти и суда.

Для Судебника 1589 г. представители центральной власти наместник и волость уже не являются главными адресатами. Законодатель обращается, в основном, к новым фигурантам волостного и земского самоуправления и суда: выборным губным и земским старостам, целовальникам, судным мужам, пятидесятским и сотским. В нем еще упоминается о возможности рассмотрения дел кормленщиками «боярами и детьми боярскими» (там, где отсутствуют полномочные выборные местные органы власти и суда), но их деятельность поставлена под контроль «дворецкого, да старосты, и лутчих людей, да целовальников», которые обязаны присутствовать на суде у кормленщиков, причем ими контролируется не только деятельность судей, но и дьяков, в чьи обязанности входит написание протокола судебного заседания («судного списка»). Протокол, составленный дьяком, подлежит обязательному подписанию не только самим дьяком — составителем протокола, но и «дворецким, старостой, лутчими людьми и целовальниками», в присутствии которых слушалось дело.

Новые правила судопроизводства распространены Судебником 1589 г. и на церковные суды, в которых так же, кроме «судьи-попа», предписывается «в суде у них быти старосте церковному, да целовальнику, верному земскому, да волостных людей, коих оба полюбят...» (ст. 122).

²⁹ Различие условий проживания на территориях, находящихся в разных климатических зонах и соответствующих им социальных и политико-правовых порядках, понимали также и русские мыслители XVI в. Особенно те из них, которые сами жили в отдаленных северных местностях. Так, монах Отней Пустыни, расположенной в северной части Новгородского края, почти за 200 лет до Шарля Монтескье сформулировал основные положения теории о влиянии климата на формирование нравов и обычаев у разных народов, а также на складывающиеся под влиянием этих факторов законы и форму правления. «Кояждо страна, — писал он, — разньствен обычай имат, по особому ея строения чину, солнечного ради обхождения и воздушного пошества... в стране сибирстей и самоядстей, глаголют, множества зимы имеета, скудно же лето зело, ни оранья, ниже сеяния имут. И во стране мурманстей, глаголют, месяца новембрия и декаврия солнце не всходит шестьдесят дней и день не озаряется; месяца же мая и июня солнце не заходит, и ночь и вечер не бывают, и тамо сеяния несть... северная страна излишне студена, южная же страна излишне знойна. Иные страны богаты зело, иные же, не богаты, иные же и убози зело. Ови же страны многоплодны, ови малоплодны, и ови неплодны; и иные гобизнены (урожайны. — М.Ч.) иные же помногу, скудны. Паки же ови страны скотопищены, ови гладны». Поэтому было бы неправильно предполагать, заключает обзор Зиновий, что люди могли бы везде иметь одинаковые обычаи и законы (*Зиновий Отенский*. Истины показание к вопросившим о новом учении. — Казань. 1863. С. 892—893).

³⁰ Н. Е. Носов считает, что реформа местной власти и суда на выборных основаниях, началась еще в 30-е гг. XVI в., но «но практически правительство приступило к проведению реформ лишь после 1549 г. после знаменитых февральских совещаний в Москве» (Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 14).

³¹ *Исаев И. А.* История государства и права. С. 152—153.

Губная и Земская реформы получили свое утверждение в Судебнике 1550 г.³², затем в царской речи на Стоглавом Соборе. В Приговоре царском о кормлении и службе 1556 г. подробно объяснялись причины отказа от судов наместников и волостелей и выражались намерения правительства о необходимости их замены выборными местными судебными органами.

Вполне возможно предположить, что текст Приговора о кормлениях и службе послужил не только источником, но и поводом к принятию Судебника 1589 г., отразившего его основные положения.

Демократические принципы содержания этого Судебника прежде всего сказались в признании всех подданных Российского государства субъектами права. Статья 230 гласила: «а под суд даватися, чей хто ни буди», а ст. 228 и 229 гарантировалась обязательность преследования и наказания любого человека, преступившего закон, независимо от его сословного положения и территориального перемещения.

Статья 200 объявляла нормы Судебника едиными для всей страны четким указанием, что «впредь все дела судити по сему Судебнику». Нормы Судебника объявлялись действующими с момента вступления его в силу; в случае появления от имени государя новых указов, они будут применяться «с которого дни государь уложит». Дела, решенные судами, до принятия этого Судебника пересмотру не подлежат (ст. 199).

В данном случае Судебник 1589 г. в ст. 199 и 200 повторили содержание ст. 97 Судебника 1550 г. почти без изменений.

Статья 98 Судебника 1550 г., вызывающая бурную дискуссию, сохраняющуюся до настоящего времени, полностью воспроизводится ст. 201 Судебника 1589 г.: «А которые дела будут новые писаны, и как те дела з государеву докладу и со всех бояр приговору вершаться. И те бы дела в сем Судебнике не приписываны были». Содержание статьи не нуждается в толковании, ибо ее смысл выражен четко: законы принимаются государем вместе с Боярской

думой, и любой пробел в законодательстве может быть восполнен единственным способом — принятием нового закона в установленном этой статьей порядке³³.

Статья 98 Судебника 1550 г. представляет собой классический пример утверждения многолетнего обычая путем возведения его в закон. С. И. Штамм отмечала, что еще до принятия Судебника 1497 г. законы принимались «всех общию Думою» и с утверждения государя — «по государеву и великого князя указу и по боярскому приговору»³⁴. И. Я. Фроянов не согласен с таким толкованием ст. 98. Он пишет, что этой статьей «царь был поставлен ниже Боярской думы... в важнейшей и определяющей области государственной жизни — законодательстве», «статья эта произвела переворот во властных структурах русского государства». По его мнению, «удалось все это благодаря огромному влиянию реформаторов-законотворцев (имеются в виду Сильвестр и А. Адашев — М.Ч.)³⁵, а также их юридической хитрости». И. Я. Фроянов утверждает, что у этих «хитрецов» однако не получилось отнять власть «у самодержца», который удержал ее в своих руках, «поэтому надо думать, что ст. 98 Судебника никогда не была приведена в исполнение», следовательно, не оказала никакого влияния на дальнейшее развитие права³⁶.

Развитие законодательства со всей очевидностью показало, что Судебником 1589 г. (ст. 201) это нормативное правило было воспринято и повторено в четкой формулировке, как впоследствии и Судебником 1606/07 г. (1.97). Не сохранилось сведений в политической публицистике и произведениях мыслителей об оспаривании этого законоположения, да и сама дискуссия о нем развернулась уже в советское (точнее сталинское) время в качестве утверждения доказательства незыблемости «самодержавной власти Ивана IV».

Судебная система была выстроена Судебником 1589 г. с учетом включения в нее земских судей, в связи с чем подвергся переработке ряд статей Судебника 1550 г. Так, сохраняя текст ст. 1 почти без изменений, законодатель

³² Исаев И. А. История государства и права. С. 166—167.

³³ Судебники XV—XVI вв. С. 409.

³⁴ Штамм С. И. Судебник 1497 г. М., 1955. С. 13.

³⁵ Фроянов И. Я. Драма русской истории. М., 2007. С. 432.

³⁶ Фроянов И. Я. Комментарии к ст. 98 Судебника 1550 г. // Исследования по истории средневековой Руси. СПб., 2006. С. 153.

добавляет к перечислению судей еще и земского судью; Судебник 1550 г. уже проводил ограничения судебной деятельности наместников и волостелей в ст. 62 и 66. В Судебнике 1589 г. они воспроизводятся в расширительном толковании, с распространением их действия не только на земские и волостные, но и церковные суды: «А будет поп захочет сам на ком искати какова дела, и судьям его судити, а самому попу отвечать перед тем же судьей, хто на нем ищет чего» (ст. 185); «дьякона и пономаря, крылошан, опричь проскурни, всех судити земским судом и меж них управа чинити» (ст. 186); даже в том случае, если судятся между собой церковные люди («крылошане»), то судит их «поп с коими служат, а в суде у них быти старосте церковному, да целовальнику верному земскому, да волостных людей, коих оба полюбят», в таком составе «судья их дело приговорит» (ст. 187).

Передача земским судам основных категорий дел потребовала определения их компетенции. Полномочия выборных волостных судов определена в Судебнике 1589 г. подробно: они рассматривают «татинные и разбойные дела», по которым им предписывается «сыскати правду», решить дело по закону и определить наказание преступнику «по вине». Кроме уголовных, к компетенции волостных судов отнесены и все гражданские дела, в том числе споры о земле, включая и наследственные тяжбы, возникающие в деревнях и селах края.

Классификация преступлений почти не претерпела изменений, включая некоторые уточняющие дополнения. Например, к формулировке состава преступления против государства, предусмотренного ст. 61 Судебника 1550 г., воспроизведенной в ст. 115 Судебником 1589 г., добавлен новый состав преступлений: коневой вор. По-видимому, его введение вызвано распространением данного вида преступлений именно во время действия Судебника 1589 г.

Есть новеллы и в перечислении преступлений против личности и собственности. Названы разбой, татьба, убийство, оскорбление действием и словом; «бой» (драка), связанная с нанесением увечья, и мошенничество.

Представляет интерес разрешение Судебником 1589 г. вопроса о защите государством своих подданных при нанесении им бесчестья. Под этим термином законодатель, по всей вероятности, имел в виду оскорбление словом и действием. Следует отметить, что Судебник

декларирует защиту всех подданных без каких-либо изъятий. Санкция за бесчестье — штраф, размер которого варьируется в зависимости от социального статуса лица. Законодатель, перечисляя все должностные и социальные категории: бояре, дворяне, церковно-монастырская администрация — особо выделяет членов земского и волостного управления и «судецких людях» (ст. 55—59), охраняя в их лице честь выбранного миром должностного лица. Сумма за бесчестье членов земской и волостной администрации равна той, что взыскивается в пользу «боярского человека доброго» — 5 руб. Нельзя не видеть в этом денежном раскладе штрафных санкций желания возвысить честь выборной земской и волостной администрации и судей. Судебник различает размер суммы, взимаемой за бесчестье, нанесенное крестьянам пашенным и крестьянам, «которые торгуют», в три раза.

Возмещение ущерба предусмотрено и таким, не социализированным категориям, как: «вдовы и девицы», скоморохи и их жены, нищие, «которые из кусков ходят». Причем различаются просто нищие «калики» и «городские нищие кликуны»; даже «выблядки», «родившиеся не у венчанной жены» защищены от бесчестья штрафом, так же, как и «бляди и ведьмы», при всем неуважении к их занятиям («противу промысла»). Единственно, кому отказано в защите от бесчестья, — это «татам, разбойникам и зажигальникам» — «на них бесчестья нет», потому что «они лихие люди». При нанесении бесчестья действием с причинением увечья, денежное взыскание будет определено «зря по человеку и по увичью» (ст. 73).

Эти статьи Судебника можно назвать демократичными, законом защищаются от бесчестья все подданные, хотя и в не равном денежном выражении.

Есть еще одна новелла в этом разделе. Законодатель в некоторых случаях дает расширительное толкование термину «бесчестье», рассматривая его как нарушение собственной чести боярами и детьми боярскими. В данном случае под бесчестьем понимаются действия этих представителей высших сословий, назначенных государем на ответственные должности, заключающиеся в том, что они самоуправно «емлют больше» назначенного им жалованья. Детям боярским, получившим от государя кормление, назначено жалованье ровно столько, сколько записано «по книгам». В том случае если они берут сверх положен-

ного, то такие их действия приравниваются к бесчестью, с них взыскивается вдвое (того излишка, который они взяли сверх назначенного жалования, ст. 41—42).

Надо полагать, что в такой форме средневековый законодатель пытался осуществлять борьбу с коррупцией.

Взятничество получило особенно большое распространение в судебных ведомствах, оно подвергалось критике в политической публицистике XVI в. не только соотечественниками, но и иностранцами³⁷. Взятничество и повсеместное распространение неправосудия привело к тому, что люди перестали верить в закон и обращаться к нему за защитой, «на первое место выходила категория правды и справедливости»; религиозное сознание средневекового человека стимулировало его к поискам защиты у Бога, а не у человека-правителя. Такая ситуация приводила к росту неповиновения со стороны масс и угрозе анархии³⁸. Законодатель постарался учесть всю совокупность обстоятельств, характеризующих состояние России в конце XVI в. Ответом на эту ситуацию явилось его повышенное внимание к мерам по восстановлению законности и правосудия в стране.

В Судебнике 1589 г. более основательно разработаны нормы о преступлениях против правосудия, в число которых входят: взятка (посул по терминологии того времени) судье или судебным работникам, вынесение заведомо ложного решения (приговора), дача ложных показаний во время судебного процесса или проведения обысков, предваряющих рассмотрение дела в суде; составление фальшивых протоколов, незаконная задержка рассмотрения дела. Неправосудие преследовалось не только со стороны судей, но и всего штата судебных работников: недельщиков, доводчиков, дьяков и т.д.

С целью пресечения взяточничества в суде законодатель вводит норму, предусматривающую ответственность не только на судью и судебных работников, но также и на истцов и ответчиков за дачу ее судье. Взяткодатель наказывается позором и «проклинанием» перед своими соотечественниками: «А велети на Москве и по торгам и во всех городах Московские

земли и Наогордцкия, и по волостям и по соборным церквам и по выставочным проклинати, чтобы ищии и ответчики судиям в суде посулов не давали» (ст. 202).

Судья отвечает за незаконную задержку рассмотрения дела, неосновательную отсылку истца в другое судебное ведомство (ст. 22). Он обязан принимать всех жалобщиков даже и «из иные волости», если он «бьет челом суда прошает, и судье жалобников от себя прочь не отсылати, давати всем управа, который бьет челом по делу» (ст. 7). За необоснованную затяжку дела судья наказывается штрафом, взыскиваемым в пользу истца (ст. 8). В случае обнаружения, допущения судьей неосновательной волокиты он также подлежит штрафу («справить на нем рубль») с возложением на него обязательства рассмотрения дела (ст. 23).

Сторонам также необходимо принять все меры к недопущению волокиты по своей вине, в противном случае, истец или ответчик, по чьей вине произошла неоправданная задержка рассмотрения дела, подвергались за нее денежным взысканиям.

Судья (боярин, подьячий, дворецкий, земский судья) отвечает не только за свои ошибки и упущения, но и за деятельность работников всего своего аппарата. За допущенное неправосудие кем-либо из судебных чиновников (особенно оговаривается взятие посула), ответственность возлагается и на судью, с которого взыскиваются «истцов иск» в тройном размере, пошлина, деньги, затраченные на «езд и правду» и «пересуд» (ст. 3).

В том случае если дьяк, «с которым судья судит», неправильно напишет протокол судебного заседания (речи истца и ответчика искажит) или подпишет протокол «без боярского или судьяна ведома» и будет установлено, что он это все совершил за взятку (посул), то предлагается «взяти на нем половину истцова иску, да его бити кнутом да отставить от дьячества, а руки ему не сетчи», но «доколе жив будет в суд его не принимати» (т.е. запретить ему судебную деятельность). Другую половину иска должен возместить судья независимо от того, был ли он в сговоре с дьяком или не ве-

³⁷ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии. М., 1997 ; Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Московское государство XV—XVII вв. Л., 1986 ; Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 1996 ; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника // Источники истории. Рязань, 2005.

³⁸ Рогов В. А. Уголовное право и карательная политика в русском государстве XV—XVII вв. М., 1990. С. 49.

дал о его действиях. Вина судьи заключается в том, что он, «знаячи дьяка лжива», с ним суд судит (ст. 4 — правило, предусматривающее необходимость судьям проявлять осмотрительность при подборе членов своего аппарата). В этой статье объединены 4 и 5 статьи Судебника 1550 г.; изменения внесены в санкции: отставлено битье кнутом, но исключено тюремное наказание.

Особое внимание уделяется выявлению нарушений должностных обязанностей главным работником судебного аппарата — недельщиком. Обязанности недельщика устанавливаются ст. 97—98. Явившись в город или волость, он обязан предъявить судье документ о своих полномочиях — приставную грамоту и приступить к выполнению возложенных на него обязанностей: «поставить обоих истцов перед наместника или перед судьей», т.е. обеспечить судебный процесс. Если он этого не сделает и не представит оправданий задержки («исправы на себя не поставит»), то «будет езда своего лишен» и с него будет взыскана «истцова волокита на день по три деньги».

Служебные обязанности по задержанию преступников («татей и разбойников») недельщик обязан выполнять добросовестно («безхитростно»), не брать взяток и вместо преступников «не имать чистых людей» (ст. 104). Если недельщик, задержав преступника, отпустит его без разрешения судьи за взятку, то его ждет суровое наказание — полное возмещение иска потерпевшей стороне, битье кнутом и тюремное заключение (ст. 105). Суровое наказание ожидает недельщика и в том случае, если он «без боярского или судьиного разрешения» самовольно выдаст на поруки сидящих в волостях под надзором сотников татей или разбойников, то он, и сотник, который способствовал ему, обязаны возместить «истцов иск вдвое», и, кроме того, быть подвергнутыми битью кнутом, «а в казни (наказании. — М.Ч.) что государь укажет» (ст. 106).

Предусмотрена ответственность за получение недельщиком взятки не только для себя, но и «на судью»: «А недельщику на себя, но и на судех на бояр, и на окольничих, и на дворецких, и на дьяков посулов не имати и самому недельщику не просити». В случае установления таких действий со стороны недельщика, он будет обязан возместить взятый посул втрое и расходы, затраченные на «езд»; к тому же навсегда лишается службы недельщиком («из недельщиков его выкинути») (ст. 80).

Установлены правила составления и подписания судебного протокола. Стороны получают право на его обжалование в случае возникающих у них подозрений об «оболживении судебного списка» дьяком.

Если же «судные мужи» скажут, что обвинение дьяка в «оболживинии» протокола несправедливо, то «лживцу» грозит наказание в виде битья кнутом и денежного взыскания (ст. 102). В случаях возникновения у судьи сомнений в правильности протокола предусмотрена тщательная проверка последнего путем опроса свидетелей: старосты и целовальника, присутствовавших на суде. Если они покажут, что протокол соответствует истине, то жалобщик подлежит наказанию (по-видимому, здесь предусмотрена отсылочная санкция, указанная в ст. 102); в противном случае («скажут целовальник и судные мужи, что суд не таков был, и руки не их у письма»), то к ответственности привлекается судья, на которого возлагается полное возмещение иска и «пеня, что государь укажет» (ст. 123). Законодатель четко проводит мысль об ответственности судьи за весь судебный процесс и оформление документов.

Судебник 1589 г. разрешает подавать жалобу на судью, причем бессрочно («доколе жив будет» (ст. 38). Ранее такого правила в законодательстве не существовало.

Предусмотрено обжалование приговора по типу апелляции, но только по искам «не меньше рубля», с оплатой всех издержек по пересуду («а пересуду имать на виноватом») (ст. 101).

В свою очередь, законодатель учитывает всю сложность исполнения обязанностей судьями и их помощниками, оберегая их от ложных обвинений и клеветы. Если «виноватый солжет на боярина, или на дворецкого, или на судью, или на дьяка, или на кого ни буди, а сыщут, что солгал, и того жалобщика повинити, бесчестья на нем взяти, да бити его кнутом, да вкинути в тюрьму до поруки... чтобы впредь не лгал» (с. 6). При ложном обвинении судьи в неправильном исчислении пошлин с истца или ответчика лжец наказывается битьем кнутом и тюремным заключением. Как правило, по таким делам предусматривалось тюремное заключение «до поруки».

Некоторые изменения предусмотрены Судебником 1589 г. и в принимаемых судом доказательствах. Ко времени принятия Судебника широко обсуждалась недовершенство таких доказательств, как «поле» и «присяга»

(крестоцелование)³⁹. Против «поля» активно выступала и церковь. В нормативных актах, принятых в середине и второй половине XVI в., часто встречается указание судам «вершити дело бес поля и бес целования» «по суду и по сыску»⁴⁰. В середине XVI в. роль «поля» и крестоцелования как доказательств в судебном процессе значительно снизилась, но тем не менее они все еще упоминались в ряде статей Судебника 1589 г. (ст. 12—22 и 25), но с некоторыми добавлениями. Если какая-либо из сторон пожелает вместо себя выставить наймита, то биться она может тоже только с наймитом: «А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом...» (ст. 19). Новым является и допущение к поединку «девок» и «жённок» (ст. 28).

Судебник 1589 г. в большей степени сосредотачивает внимание на таком виде доказательств, как свидетельские показания, указывая судам на необходимость вынесения решения (приговора) «по обыскам» и «речам». Причем это требование в равной мере относится ко всем судебным инстанциям, рассматривающим дела, которым предписывается на основании «обысков» и расспросов свидетелей «винить истца или ответчика бес поля и бес целования».

Обыск на местах должны проводить местные старосты и целовальники. Когда дело слушается в Приказе, то по его поручению на местах свидетелей должны опрашивать местные «верные» выборные люди. Проверке свидетельских показаний уделяется в Судебнике серьезное внимание. Проводящие повальные обыски старосты и целовальники должны следить за тем, чтобы послухи показывали только то, чему лично были свидетелями «а, не виде, не послуховали бы». Если на основании ложного свидетельства будет вынесен неправосудный приговор, то с «лживого послуха» взыскивается «истцова гибель и убытки», а за ложь он подвергается торговой казни (ст. 203).

Требование проведения повторного обыска из-за возникающих сомнений в правдивости показаний свидетелей представляется не только суду, но и сторонам (ст. 111 Пространной редакции, ст. 10 Краткой редакции). Ранее это право принадлежало только суду. В этой же статье содержится предупреждение, адресованное судьям о невозможности выне-

сения приговоров по «лживым обыскам», когда люди в обыске «двои речи говорят». Суду надлежит в таком случае «посылати вдругие обыскивати» (ст. 205). При обыске предлагается верить показаниям детей боярских в количестве 10 или 15 человек, а также «добрым крестьянам 10 или 15, или 20-ти человекам, или целовальникам, или судье...ино тем 10 или 20-ти человекам повирити» (ст. 110). Статья изменяет содержание ст. 58 Судебника 1589 г. упоминанием в числе «добрых людей» волостных крестьян, целовальников и судей. Статьей 111 устанавливался порядок проверки «10—20 добрых людей», наличие которых предусматривается в ст. 110.

В связи с возложением на старост обязанностей по розыску преступников и проведению повальных обысков предусмотрен новый состав преступления: старосты, которые «разбойные и татинные дела сыскивают ложно, не по государеву указу и не по крестному целованию» (в данном случае речь идет о присяге, принесенной должностными лицами при вступлении на должность), а по дружбе или недружбе, или скроют сведения, добытые при обысках и «не учнут государю отписывати, ино им от государя будет казнь без милости» (ст. 219).

К числу безупречных доказательств отнесено «поличное» (ст. 103), если оно не «ложное».

Новеллой является ст. 131, запрещающая сторонам в судебном деле обращаться к помощникам. Более того, с лиц, оказывающих содействие одной из сторон во время судебного разбирательства («учит истца или ответчика, и уличат его в том»), взыскивается половина иска («а другая половина на ответчике) и пошлины, причитающиеся по делу. Если же «ответчика оправят», то с помощника взыщут за пересуд и возьмут с него «крепкую поруку, чтобы впредь не учить никого» в судах.

В уголовно-репрессивной политике государства в середине и второй половине XVI в. появилась тенденция замены тюремного заключения смертной казнью, которая получила отражение в Судебнике 1589 г. Обоснование этой политики подробно изложено в Приговоре о разбойных делах 1555 г. В нем обращено внимание на трудности содержания преступников в тюрьмах. Во-первых, тюрем мало и «новых не ставят и сторожей... не дают и гра-

³⁹ Пересветов И. Сочинения. М., 1952. С. 172—174.

⁴⁰ Законодательные акты русского государства. С. 39, 67.

мот великого князя не слушают»; во-вторых, сбежавших преступников не ищут, а «возмут деньги на ослушниках» (сбежавших преступниках)... и отписывают в Москву к боярам, которым разбойные дела приказаны». К тому же трудно установить, кто из сидельцев действительно разбойник и грабитель и содержится по приговору, а на ком «вина не такова», потому что «сидят в тюрьмах здесь на Москве многие люди, а дела их погорели и сыскати про них нечем». К тому же, «тиуновы люди», в чьи обязанности входит следить за преступниками, «на них поминки емлют, а с иных и платья снимают... а иных и кнутом бивали». Законодатель требует от местных властей, чтобы таким тюремщикам «впредь у тюрем и в приставах не быти. А велети vybrati з земли людей добрых, которые люди к тому делу пригожи,... да росписать их по тому же по месяцом на год»⁴¹.

Вполне возможно, что совокупность этих обстоятельств повлияла на общую тенденцию репрессивной политики государства. Но следует отметить, что Судебник 1589 г. далеко не во всех случаях предлагает воспользоваться санкцией и применить смертную казнь даже к лицам, совершившим тяжкие преступления. Практика пошла по другому пути: при наличии в статье санкции, предусматривающей смертную казнь, суды заменяли ее выдачей преступника «на крепкую поруку» и только при невозможности найти таковую для преступника его предлагалось тем не менее не казнить смертной казнью, а «вкинути в тюрьму... до государева указа». Законодатель, назначая наказание, прежде всего имел в виду возмещение убытков потерпевшему и предотвращение рецидива со стороны лица, совершившего преступление. При передаче общине под присмотр «на крепкую поруку», во-первых, оставалась надежда на возмещение им убытков потерпевшему (если не деньгами, то работой — ст. 108). Во-вторых, «порука» обеспечивала «присмотр» со стороны общины за поведением лица, отданного под ее ответственность, поскольку все члены ее проживают на одной территории совместно с преступником и способны эффективно обеспечить за ним надзор, не допуская повторных преступлений с его стороны.

Законодатель четко различает наказания, назначаемые при первом совершении преступления, от наказаний при рецидиве. Так тать, пойманный «в другие» и сознавшийся в своем преступлении, подлежит смертной казни через повешение («повисити») с конфискацией имущества («всех его статков») в пользу потерпевшего. Однако если за ним не имеется злой славы и он не характеризуется как «лихой человек», да к тому же еще и раскается, то возможно его тоже отдать «на крепкую поруку», в ожидании которой он будет находиться в тюрьме.

В большинстве статей Судебника 1589 г. предлагается замена тюремного заключения и смертной казни «крепкой порукой» (ст. 110, 111). Даже по государственным преступлениям (ст. 115), предусматривающим смертную казнь, в случае погашения преступником причиненного ущерба и раскаяния, предписывается «отдать его в прогоны», а при невозможности возмещения ущерба «ино его повинити или казнити». Причем даже и в этом случае не безоговорочным является применение смертной казни. Только убийство, совершенное человеком, характеризуемым как «ведомый злой человек», наказывается смертной казнью с конфискацией имущества (ст. 114).

Новеллой является выдача несостоятельного ответчика истцу головой «до искупа» (ст. 131)

Распространенное в современной науке мнение, что замена по некоторым преступлениям тюремного заключения смертной казнью представляет собой «победу принципа ужесточения наказания в феодальном праве»⁴², опровергается наличием санкций с альтернативными видами наказания, предусмотренных в тех же статьях, где предписывается смертная казнь. Более справедливым представляется заключение В. А. Рогова о том, что «карательной политике русского средневекового государства были присущи элементы здравого смысла, политического такта и большой терпимости»⁴³. Кстати, в летописях довольно часто встречаются записи о прощении даже «государственных изменников», замене им смертной казни другими видами наказаний.

Наибольшее число изменений в Судебнике 1589 г. по сравнению с Судебником 1550 г. относится к регулированию крестьянских зе-

⁴¹ Законодательные акты русского государства. С. 33—34.

⁴² Копанёв А. И. Комментарии к ст. 108 Судебника 1589 года. С. 455.

⁴³ Рогов В. А. Уголовное право и карательная политика в Русском государстве XV—XVII вв. М., 1990. С. 18—19.

мельных отношений (ст. 149—177). Часть этих статей представляет переработку статей Судебника 1550 г., а часть из них является совершенно новыми. Собственно и сам Судебник 1589 г. был задуман в основном как Сборник законов, регулирующих поземельные отношения в северном крае России, где отсутствует крепостное право и распространено крестьянское волостное землевладение.

Переход крестьянина из волости в волость (так называемый крестьянский выход) сравнительно с содержанием ст. 57 Судебника 1497 г. и ст. 88 Судебника 1550 г. подвергся некоторым изменениям. Крестьянин имел право перейти «из волости в волость, из деревни в деревню один срок в году; за неделю до Егорьева дни и неделю по Егорьеве дни осеннем...» (ст. 178); «а кто за кем живет, и он платит пожилое по 8 алтын и по 2 деньги». В том случае если остается рожь в земле, то новый владелец заплатит с нее волостелю и подать цареву (ст. 179).

Правила продажи земли и обременявшие эту продажу условия фиксировались ст. 163, 166.

Есть новеллы и в наследственном праве. При отсутствии завещания (наследодатель «умрет без духовные грамоты») наследство переходит к сыну, а в случае отсутствия сына, все его имущество и земля достается дочери, а при отсутствии детей «взяти от ближнего рода от отцова или от материна» (ст. 190).

Однако общинное землепользование сохранялось, каждый крестьянин-собственник земли имел право пользования лугами, выгоном, лесом и другими угодьями, находившимися в собственности всей общины. Крестьянам запрещалось рубить молодой лес, но разрешалось «пахать где не молодь, хто сколько может» (ст. 174). Крестьянин имел право построить себе новый двор или «хоромину на новом месте... где похочет», но взамен должен отдать землю в любом месте (из своей вотчины)... и на какову землю наставитце двором или храминою, такова земля и отдать; а сверх того по любви» (ст. 160). Таких статей в Судебнике 1550 г. нет, в центральных губерниях, как правило, отсутствуют свободные земли, на которых крестьянин мог «пахать где сколько может» или свободно выбирать место «двор ставить или иную хоромину».

В Судебнике 1589 г. появляется статья, защищающая права человека, работающего по найму. Если наймит, не дожив оговоренного срока, уйдет от хозяина не по его вине, то он теряет право на получение денег за работу по найму; в том же случае, если договор найма будет прекращен по вине хозяина, то тот обязан произвести с ним расчет. Хозяин, отказавший в расчете добросовестному наймиту, выполнившему свою работу, заплатит ему втрое (ст. 148).

В одной статье невозможно с достаточной полнотой проанализировать все изменения, произведенные в Судебнике 1589 г. по сравнению с предшествующим законодательством, но упоминание главных из них показывает необходимость серьезного исследования историков-юристов с включением его в программу и курс по дисциплине «История государства и права России».

СВОДНЫЙ СУДЕБНИК 1606/07 гг.

Н. Е. Носов полагает, что «Сводный Судебник 1606/07 гг. чрезвычайно интересный юридический памятник», представляющий «первый опыт в истории русского права общей тематической кодификации действующего законодательства — основных общероссийских законов»⁴⁴.

Между рассматриваемыми памятниками права лежит короткий, но весьма бурный период русской истории, включающий довольно обширное по количеству и значимое по содержанию законодательство царей Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I и начала царствования Василия Шуйского (Подкрестная запись (1606), которого заслуживает отдельного юридического анализа).

Сводный Судебник 1606/07 гг., к сожалению, еще менее изучен, нежели Судебник 1589 г. До настоящего времени мы не располагаем полной публикацией Судебника, что значительно затрудняет его исследование. За весь советский и современный периоды известна только одна научная публикация, подготовленная А. А. Зиминим по Рогожскому списку в 1956 г., а две другие публикации — являются ее неполными перепечатками: одна в качестве учебного пособия (Екатеринбург, 2005), вторая — научно-учебного пособия в Собрании

⁴⁴ Носов Н. Е. Предисловие к Законодательным актам русского государства, С. 9.

«Памятников Московского государства» (М., 2014. Т. III. Кн. II). В этих изданиях перепечатывается тот же Рогожский список, который публиковался А. А. Зиминим, в еще более сокращенном виде с теми же комментариями Зимина. Между тем В. Д. Назаровым в 1967 г. (через 11 лет после публикации А. А. Зимина) открыт еще один список Сводного Судебника — пятый, который остается неизвестным исследователям текста Судебника 1606/07 гг.⁴⁵ В предпринятом девятитомном собрании законов — Российское законодательство X—XX вв., снабженном солидными комментариями известных историков-юристов, удостоенном государственной премии, Судебники 1589 и 1606/07 гг., к сожалению, отсутствуют.

Когда и кем был принят Сводный Судебник 1606/07 гг. точно установить невозможно. Принятие новых законов было обещано народу Лжедмитрием I сразу же после его вступления на престол⁴⁶. В целях выполнения этого обещания работа над Сборником законов началась вскоре после занятия им престола в Поместном приказе как органе, в котором обычно готовились проекты законов, оставшись незавершенной по причине гибели Самозванца 17 мая 1606 г. В. И. Корецкий, как и ранее А. И. Андреев, связывает составление этого памятника права с Лжедмитрием, обращая внимание на включение в него Указа Самозванца от 1 февраля 1606 г. о беглых крестьянах⁴⁷. В. И. Корецкий считает неосновательной приписывание составления этого Судебника Василию Шуйскому, поскольку «законодательные нормы... [этого Судебника] противоречат основным принципам политики Василия Шуйского как в

отношении княжеско-боярского землевладения, так и по крестьянскому вопросу»⁴⁸. К мнению об авторстве Лжедмитрия присоединяется В. Д. Назаров, подтверждая его данными, полученными им при палеографическом и текстологическом анализе памятника, позволившие обосновать версию «составления Сводного Судебника при Лжедмитрии»⁴⁹. Доводы А. А. Зимина о составлении Судебника в первые месяцы правления Василия Шуйского (до 7 марта 1607 г.), подкрепленные соображениями о том, что в Судебнике отсутствует упоминание имени Лжедмитрия⁵⁰, не принимаются этими исследователями во внимание, поскольку и имени Василия Шуйского также не встречается в тексте Судебника.

Вполне возможно предположить, что Василий Шуйский, в царствование которого вышел этот Судебник, также принял участие в работе над ним. С его именем связаны Подкрестная или Крестоцеловальная запись, которую он произнес при вступлении на престол, несомненно составленная им самим, несколько дошедших до нас узаконений: Приговоров, Указов, Соборного уложения, принятых царем Василием как самостоятельно, так и совместно с Боярской думой⁵¹. Поэтому вполне допустимо предположение о принятии им участия в работе над этим Судебником. Даже если исходить из того, что дьяками Поместного приказа была начата работа по составлению Судебника при Лжедмитрии⁵², то они могли успеть проделать лишь подготовительные действия по собиранию законов, так как в их распоряжении было недостаточно времени. Лжедмитрий находился у власти всего 11 месяцев, да и раз-

⁴⁵ Назаров В. Д. Палеографический и текстологический анализ Сводного Судебника // ВМГУ, Сер. 9. История. 1967. С. 228.

⁴⁶ Андреев А. И. Сводный Судебник // Известия Российской Академии наук. Л., 1925. С. 638.

⁴⁷ А. И. Андреев ссылается на сведения С. Немоевского о том, что «Дмитрий собирался дать Московскому государству новые законы, право писанное», в связи с чем предположившего авторство Лжедмитрия относительно Судебника 1606/07 гг. (Андреев А. И. Сводный Судебник. С. 638).

⁴⁸ Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 239.

⁴⁹ Назаров В. Д. Палеографический и текстологический анализ списков Сводного Судебника // Вестник Московского ун-та. Сер.: История. 1967. № 1. С. 54—76.

⁵⁰ Зимин А. А. Предисловие // Памятники русского права. М., 1956. С. 480—481.

⁵¹ Законодательные акты русского государства. С. 73—79.

⁵² О Лжедмитрии сохранились отзывы современников, представляющие возможность предположить его авторство в составлении ряда нормативных актов, в том числе и Сводного Судебника. Р. Г. Скрынников приводит отзывы К. Буссова и Я. Маржерета, характеризующие Самозванца как мудрого и образованного правителя, обладающего редкими способностями и являющегося искусным правителем (Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990. С. 179).

работчики свода не с первых дней его короткого царствования приступили к составлению Судебника. Одно обстоятельство остается несомненным: «В Судебнике сведено воедино русское законодательство второй половины XVI — начала XVII вв.»⁵³.

Возможно предположить, что поскольку нужда в новом и более обширном своде законов, с помощью которого власти предполагали восстановить «пошатнувшееся» в период опричнины правосудие и разрядить сложную социальную и политическую обстановку в стране, возникшую в связи с опричными переселениями, голодом 1601—1603 гг., а также гражданской войной и нашествием интервентов, то участие в составлении этого правового памятника вполне могли принимать и Лжедмитрий I, и Василий Шуйский. Окончательная редакция, скорее всего, все-таки производилась уже при Василии Шуйском.

Перед обоими этими носителями верховной власти стояли одинаковые задачи: упрочение и сохранение власти, для чего им следовало опереться на дворянство, которое оказалось в тот период не в лучшем состоянии. Оно было также разорено голодом, войной, земельными переделами и нередко разделяло печальную судьбу своих крестьян. Желая поддержать оскудевающее мелкопоместное дворянство, Лжедмитрий еще до начала составления Судебника издал 1-го февраля 1606 г. Указ «О возвращении прежним владельцам беглых крестьян, кроме ушедших в голодные годы от бедности»⁵⁴, предписавший возвращение тех беглых крестьян, которые покинули своих помещиков не от голода, а в поисках лучшей доли. Р. Г. Скрынников заметил, что действие этого указа не распространялось на крестьян, бежавших в годы голода «в дальние места из московских городов на украины и с украины в московские города ... верст за 200, и за 300 и больши... На указанном расстоянии от Москвы находились рязанская, тульская и черниговские окраины, население которых активно участвовало в мятеже в пользу самозванца»⁵⁵. В этих местах, пришлые крестьяне закрепля-

лись за теми помещиками, которые в голодные годы их «перекормили», обеспечивая, таким образом, их поместья рабочими руками⁵⁶, но этот указ преследовал не только удовлетворение интересов помещиков южных областей, как полагает Р. Г. Скрынников. В. И. Корецкий справедливо замечает, что Лжедмитрий, «вознесенный на Московский престол волной крестьянского движения... должен был как-то учитывать это в своей законодательной деятельности»⁵⁷, и определенное облегчение участи крестьян и холопов имело место в его законодательстве. Но Лжедмитрий понимал, что этого было еще недостаточно, он должен был опереться в своей власти на силу закона, чтобы исключить или хотя бы ограничить оппозицию со стороны Боярской думы, пытавшейся навязывать ему свою волю. Поэтому он торопился с принятием законов, обеспечивающих поддержку его власти.

В. И. Корецкий замечает, что Лжедмитрий в своей законодательной политике пытался опереться «на предшествующий опыт Ивана Грозного, который венчавшись на царство, принял воссоставлять «дедовы и батьковы законы», т.е. законодательство Ивана III и Василия III, поправленное в его малолетство во время боярского правления»⁵⁸. Действительно, составители Судебника неоднократно, начиная какую-либо главу, ссылаются на «царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси» и его отца Василия Ивановича (Василия III). Понятно, почему такие ссылки нужны были Лжедмитрию, который как бы призывал «тень» своего мнимого отца, для поддержания своего авторитета, но вряд ли они нужны были бы Василию Шуйскому, принародно отрекшемуся в своей Подкрестной Записи от политики Ивана Грозного «казнить и миловать своих холопов» по своей воле, а не по законам государства.

По всей вероятности, ни в одно из этих царствований Сводный Судебник 1606/07 г. не получил официального утверждения. А. И. Андреев, тщательно изучивший все сохранившиеся копии этого сборника законов, установил, что нигде и никогда, он не был назван Сводным,

⁵³ Введение. С. 480.

⁵⁴ Законодательные акты русского государства. С. 73—74

⁵⁵ Скрынников Р. Г. Третий Рим. СПб., 1994. С. 171—172.

⁵⁶ Указ. соч. С. 238

⁵⁷ Корецкий В. И. Формирование крепостного права. С. 243.

⁵⁸ Указ. соч. С. 239—240.

и это наименование возникло после его первой публикации канцелярией Сената в 1777 г. уже при изучении Судебника⁵⁹.

Судебник 1606/07 гг. представляет собой вторую после Судебника 1589 г. попытку кодификации законов с целью предоставления судам всех категорий собрание действующего законодательства в удобном для них едином формате.

Причины принятия этого свода законов обстоятельно разъяснена в Предисловии к первой грани: «Выписано из Судебника о всяких делах и сношений государевы указы и приговоры из розных глав в одно место по гранем для того, что об одном деле указы и приговоры во многих годах писаны в розни; а которые дела после Судебника приговорены внове, и то приписано к тем же гранем, а именно: тем прибылым делам главы писаны ниже сего» и сношений государевы указы и приговоры из розных глав в одно место по гранем для того, что об одном деле указы и приговоры во многих годах писаны в розни; а которые дела после Судебника приговорены внове, и то приписано к тем же гранем, а именно: тем прибылым делам главы писаны ниже сего»⁶⁰. Таким образом, решалась задача включения в единый свод законов нормативных актов, появившихся после выхода Судебников 1550 и 1589 г., соединения их в единую систему, облегчавшую судам применение действующего законодательства непосредственно в практике судопроизводства.

Законодатель предпринял систематизацию всех законов в форме кодификации, изменив содержание ряда статей с применением расширительного и ограничительного приемов толкования действовавших нормативных актов и добавления новых нормативных актов, отражающих требования времени. Составители Судебника воспользовались юридической техникой, ранее неизвестной российскому законодательству. До Судебника 1606/07 г. все правовые сборники представляли собой собрание нормативных актов, расположенных постатейно. Так, в Судебнике 1497 г. в таком порядке расположены 62 статьи; в Судебнике 1550 — 100 и в Судебнике 1589 г. — 231 статья.

В Сводном Судебнике применены совершенно иные приемы систематизации нормативного материала, расположение которого

следовало принципу: глава, грань. В одной грани объединены, как правило, несколько однородных глав, соединенных по предмету регулирования. В каждую грань включена характеристика ее содержания с перечислением номеров входящих в нее глав. По-видимому, законодатель стремился к облегчению поисковых усилий при пользовании данным сборником законов.

Во многом составители следовали устоявшимся правилам, так, изложение нормативного материала начиналось с перечисления всех центральных и местных органов правосудия, как это было в предшествующих Судебниках.

Судебник 1606/07 г., как и предыдущий Судебник 1589 г., ориентируется уже на выборную местную администрацию и судебный состав, предусмотренный Губной и Земской реформами. Но поскольку в некоторых местах наместники и волостели еще сохранялись, то в Сводном Судебнике (1.62) повторно требование, зафиксированное еще в ст. 62 Судебника 1550 г. о необходимости иметь на суде «бояром и детем боярским, за которыми кормление з судом боярским... и их тиунам», «старост и лутчих людей, и целовальников». Правила оформления протоколов (судных списков) оставлены без изменений.

В главе 72 грани 10 определен состав судов в городах: «А по городом наместником гороцких посадских всех людей промеж себя судити ... и управу чинити...» с присутствием «у наместников тех городов... старост и целовальников».

Полностью сохранена ст. 1. 96 Судебника 1550 г., подтверждающая правило о том, что закон начинает действовать с момента его принятия и обратной силы не имеет, а дела, возникшие до сего Судебника, «не пересуживаются»; «впредь всякие дела судити по сему Судебнику... как царь и великий князь в сем своем Судебнике с которого дни уложил».

Воспроизведена без изменений ст. 98 Судебника 1550 г. (ст. 201 Судебника 1589 г.), устанавливающая порядок законодательства в государстве: «А которое дела будут новые в Судебнике не написаны, и как те дела з государева доклада и со всех бояр приговору вершатца — и те дела в сем Судебнике приписывати» (1.97).

⁵⁹ Андреев А. И. Сводный Судебник. С. 623.

⁶⁰ Здесь и далее все ссылки на текст Судебника 1606/07 г. даны по: Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956.

Повторение этого правила не только в Судебнике 1589 г., но и в Сводном Судебнике 1606/07 г. представляет еще одно доказательство, что ст. 98 Судебника 1550 г. являлась далеко не реализацией «хитрости» членов Избранной рады Сильвестра и Адашева, как полагает И. Я. Фроянов, а многолетним обычаем, утвержденном законом, и поэтому действующим на практике и введенном в последующие сборники законов.

В области классификации преступлений особых новелл не содержится. В гл. 59.8 грани воспроизведен текст ст. 60 Судебника 1550 г., перечисляющей преступления против государя и государства, но с некоторыми добавлениями и редакционными изменениями.

Статья 61 Судебника 1550 г. повторена и размещена в качестве единственной главы в одной грани (9. 61).

Относительно преступлений против личности упомянуты бесчестье (оскорбление словом: клевета, ябедничество; оскорбление действием — нанесение увечья). Сводный Судебник знает наказание за бесчестье (5.25), известное Судебнику 1589 г. Но здесь вместо 32 статей (ст. 41—73) Судебника 1589 г., все виды этого преступления размещены в одной главе, в основном предусматривающей взыскание денежных сумм с должностных лиц, которые «емлют» против положенного им государем жалованья, за что с них взыскивается двойной размер суммы, полученной ими сверх суммы, расписанной им «по книгам».

К имущественным преступлениям отнесены: разбой, церковная и головная кража, грабеж, татьба, мошенничество (состав уже известный по Судебнику 1589 г. и нарушение межи. Расследование по этим делам поручается выборным лицам местной администрации: «А старостам татиные и розбойные дела делати, и обыскивати в татиных, и в розбойных, и во всяких делех в правду по государеву указу...» (3.111).

Подробно рассмотрена группа должностных преступлений, среди которых также особое место занимают преступления против правосудия. По характеру преступной деятельности и степени опасности разрешение этой темы соответствует ее изложению в Судебнике 1589 г., но перечень преступлений расширен за счет прибавления к ним новых составов, связанных с превышением судебными работниками должностных полномочий в корыстных целях: незаконное получение пошлин; завы-

шение сумм пошлин; взимание пошлин по тем делам, по которым вообще не предусмотрена уплата пошлин.

Прежде всего внимание законодателя обращено на пресечение взяточничества. Глава 3 грани 1 предусматривает наказаниям судьям центрального суда: боярину, окольникову, дворецкому, казначею, дьяку за неправосудие: «посул возьмет и обвинит кого не по суду». В этом случае предусмотрена ответственность в виде возмещения иска, пошлины на царя (т.е. в казну), а также уплата расходов по езде, пересуду «и хождение и правый десяток, и железное взяти втрое, а в пене что государь укажет». Глава полностью соответствует ст. 3 Судебника 1589, как в характеристике преступления, так и санкции за него.

Как и по Судебнику 1589 г., караются не только получение судьей взятки, но истец и ответчик, которые «судьям и приставам» обещали или давали взятки. Взяткодателей «велети проклинати по торгам на Москве и во всяких городах Московские земли, и Новгородские земли, и Тверские земли и по волостям, чтобы ищя и ответчик судьям и приставам посулов в суде не давали и не сулили» (3.98.). В редакции этой статьи географический ареал «проклинания» взятокдателей значительно расширен.

Подделка протокола «судного списка» дьяком предусмотрена в гл. 4 грани 1; состав преступления почти полностью совпадает с составом, указанным в Судебнике 1589 г., но есть различия в санкциях: предусмотрено дополнительное наказание в виде отстранения от занимаемой должности («отставити от дьячества»), и даже быть «вкнутым в тюрьму». Применяются ли эти наказания по совокупности или назначаются отдельно по усмотрению судьи, в тексте главы не обозначено. Из Сводного Судебника выпадает требование о привлечении к ответственности судьи (возмещение половины иска) вне зависимости от его причастности к преступлению дьяка только за то, что он судит «с лживым дьяком». Отсутствует и требование «по дьяке взяти поруку, что впредь не воровати, доколе жив будет». Санкция подьячему, исказившему протокол за посул «без дьячего приказа», та же, что и Судебнике 1589 г. — торговая казнь.

Требование рассмотрения жалоб судьями без волокиты повторены в аналогичной редакции с Судебником 1589 г. Это же требование обращено и к сторонам по делу, на которых также возлагается ответственность своевременной явки в суд.

К нарушению правосудия отнесен и неосновательный отказ от исполнения должностных обязанностей (1.7): отсылка жалобщиков («бьет челом по делу») к другим судебным органам. Санкция носит неопределенный характер: опала от государя. В Судебнике 1589 г. (ст. 7) содержится то же требование, не сопровождаемой санкцией, а только указанием: «жалобщников от себя не отсылати, давати всем управу, которые бьют челом по делу».

Предусмотрено и наказание дьяков за составление ложного протокола в корыстных целях «за посул» (1.4). Содержание этой главы изложено близко к ст. 4 Судебника 1589 г. в несколько измененной редакции. Статья 5 Судебника 1589 г. полностью воспроизведена в гл. 5 грани 1 Сводного Судебника, предусматривающей ответственность подьячего, «записавшего дело не по суду для посулу без дьячего приказу».

Подьячий подвергается ответственности и за нарушение правил хранения судебной документации — ему запрещается хранить дела у себя дома.

Законодатель преследует и корыстные преступления судей и судебных («боярин, или дворецкий, или казначей, или дьяк, или подьячий, или недельщик»), использующих свои должностные возможности с тем, чтобы завышать размеры пошлин в свою пользу. Такие статьи есть и в Судебнике 1589 г., но в Сводном Судебнике (грань 2, гл. 8, 9, 10) этот вопрос рассмотрен более подробно, с требованием точного исчисления назначенных пошлин, наказывая за допущенный перебор (сверх нормированного в законе) взысканием этой суммы «второе». Завышение суммы пошлин предусмотрено в различных вариантах: за выдачу правых и бессудных грамот (2.32); за заверение подписью и печатью докладных списков (2.34). Составители Сводного Судебника постарались предусмотреть случаи не только завышения пошлин, но и их незаконное получение (например, примирение сторон на поле не предусматривает пошлин (2.9—10), как и вообще все мировые сделки, заключенные по гражданским делам).

Предусмотрена ситуация, когда в городах или волостях имеются два наместника, или два волостеля, или два тиуна и «суд у них не в розделе». В этом случае они должны «имати пошлин по списку, обема за одново наместника, и тиунам их за одново тиуна, и оне себе делят пополам». В случае уличения этих работников в том, что они взяли пошлину на каждого, то

все они обязываются заплатить «тому на ком пошлины взяты...второе» (2.74).

При несправедливом обвинении со стороны истца или ответчика судебного работника во взятии «сверх пошлин лишка» заявители наказываются торговой казнью.

В соответствии с прежним законодательством (Судебниками 1550 и 1589 гг.) разработан состав преступлений, совершаемых в корыстных целях недельщиками, доводчиками, а также земскими старостами.

Главным судебным работником является недельщик, поэтому на нем сосредотачивается основное внимание законодателя. Он назначается судом на определенный срок, по истечении которого его полномочия заканчиваются («недельщик из недель выйдет»), и если он сам или подчиненные ему люди (ездок) будут продолжать свою деятельность, то их ждет наказание в виде торговой казни, тюремного заключения и погашения иска без суда. Ни недельщик, ни ездоки не могут назначаться в той местности, где они проживают. Серьезному наказанию подвергается недельщик за действия в корыстных целях, допускаемые им при задержании преступников (6.53). Он наказывается «торговой казнью», тюрьмой, да еще и дополнительно «что государь укажет».

Недельщик наказывается также и за освобождение из-под стражи «на поруку» татей «без боярского доклада и без дьячьего ведома». Санкция та же, что и в предыдущей статье: торговая казнь, тюрьма и «что государь укажет». Эта приписка, по всей вероятности, может обозначать и альтернативный выбор наказания по указанию государя или срок тюремного заключения.

Главы о корыстных должностных преступлениях недельщиков близки по содержанию к ст. 54 Судебника 1550 г. и ст. 106 Судебника 1589 г.

Особое внимание уделено такому ответственному должностному лицу, как выбранному миром земскому старосте. Обязанности земского старосты перечислены (гл. 3, грань 111), а их нарушение предусмотрено в последующей главе — 112 (в Судебнике 1589 г. это ст. 218 и 219), текст которых несколько расширен по сравнению с Судебником 1589 г. «А учнут старосты татины и розбойные дела делати, и обыскивати в татиных и в розбойных делах, и во всяких обысках обыскивати ложно не по государеву указу, или другу дружити, а недругу мстити, или не учнут того бе-

речи и сыскивати, которые семьями и заговоры в тех обысках говорят неправду и не учнут к государю нате семьи и заговоры отписывати, и старосту казнити без милости».

Выделен и такой состав преступления, как дача заведомо ложных показаний. По-видимому, ложные показания на обысках, в суде, составление ложных доносов получили в XVI в. широкое распространение. О «подкупке ложных свидетелей», способных «правду искривити... и судью смешати и иное многое лукавое сделать» писал Зиновий Отенский дьяку Я. В. Шишкину, предлагая принять срочные меры к ликвидации подобных нарушений, препятствующих вершению справедливого правосудия⁶¹. Распространение клеветнических заявлений и участвовавших ложных показаний подтолкнули правительство Ивана IV принять в 1582 г. Приговор о лжесвидетельстве и ложных исках, в преамбуле которого прямо указывалось, что Приговор принят в связи докладом судьи — казначея И. П. Татищева и дьяка Смирнова о распространении ложных ябед и крамол, составляемых холопами боярскими на своих господ, а также значительного количества ложных показаний в судах, где истцы и ответчики «лжут и говорят не по делу, оттягивая суд»; нанимают свидетелей — лжецов и составителей «ложных жалоб в суды за деньги» и все эти действия, препятствующие объективному вершению правосудия, остаются безнаказанными. Учитывая доклад чиновников, царь Иван IV принял Приговор, устанавливающий жесткие санкции, по отношению ко всем лжецам, а особенно тем, которые «лжут в судах» за деньги, вплоть до ссылки их в украинные города и даже смертной казни⁶².

Этот Приговор учитывался Судебником 1589 и Сводным Судебником 1606/07 гг. В Сводном Судебнике эти преступления рассмотрены в грани 3 гл. 101, 104, 105 и 106.

Согласно гл. 104 свидетели, солгавшие на обысках по разбойным делам, могли быть наказаны «как в разбойных делах». При установлении разных показаний, полученных в обысках от одних и тех же людей, разрешено применять объективное вменение: бить кну-

том, выбрав «изо ста человек ... приказчиков и крестьян лутчих людей человек пяти, или шти» (3. 105). Ответственность за ложные показания в судах крестьян предусмотрена и для их владельцев «бояр и детей боярских», которым грозит «великая опала от государя», а самим лжецам-крестьянам «быти казненным, как и в разбойном деле» (3.110).

Старостам, укrywшим лжецов и не доложившим о них, также грозит «казнь без милости» (3.112).

Отношение к доказательствам поменялось в связи с принятием Указа о татебных делах 1555 г. и Приговора о Губных делах 1556 г.

Приговор о губных делах предписывает судам не выносить решений (приговоров), основываясь «на лживых обысках», а посылать «обыскивать вдругие, и обысков не останавливати... и велети обыскивати старостам и целовальникам накрепко». Как явствует из этого текста, законодатель придает большое значение свидетельским показаниям, предлагая судам решать дело «по тем обыскам» на основании добытых на них свидетельских показаний, которые разделяются на три категории: «слух, виденье и ведомо», а поля и целованья по таким делам не назначать⁶³.

Оба эти указа учтены в Судебнике 1589 и Сводном Судебнике.

«Поле» тем не менее сохраняется и упоминается в ряде глав обоих Судебников, но назначается в основном по гражданским делам и незначительным преступлениям. При расследовании дел по обвинению в тяжких преступлениях (разбой, грабеж, убийство) составители Судебников учитывают требование отмеченных выше приговоров, требующих рассматривать эти категории дел «бес поля и бес целованья».

Рассмотрение всех законоположений, касающихся уголовной сферы, позволяет получить наиболее полное представление о репрессивной политике государства и вряд ли можно согласиться с мнением «о победе принципа устрашения в феодальном праве»⁶⁴. Особенно если сравнить Судебники с Каролиной.

В Судебниках 1589 и 1606/07 гг. санкции

⁶¹ Послание Зиновия Отенского к государеву великого князя дьяку Якову Шишкину // Труды отдела Древнерусской литературы. М., Л., 1961. Т. XVII. С. 221.

⁶² Законодательные акты русского государства. С. 60.

⁶³ Указ. соч. С. 36—37 ; 39—42.

⁶⁴ Смыкалин А. С. Комментарий к Судебнику 1589 г. С. 68.

продолжают оставаться альтернативными и неопределенными, позволяющие судьям, даже при применении статьи, содержащей санкцию, предписывающую смертную казнь, назначить другой вид наказания. В этих санкциях отсутствует указание на способ применения смертной казни, а при назначении наказания в виде битья кнутом количество ударов не определено, как и сроки тюремного заключения — указания о них, как правило, весьма неопределенны: «вкинута в тюрьму» без пояснений, или «вкинута в тюрьму до государева указу». С одной стороны, такая неопределенность в санкциях может способствовать развитию судебного произвола, но с другой — она же представляет и возможность уменьшить тяжесть наказания, заменив более тяжкую санкцию на облегченный вариант. Судья, например, может назначить не пятьдесят ударов, а только пять, определить срок тюремного заключения не в 20 лет, а 10, 15 и т.д. Обращается внимание и на то, что никаких членовредительских наказаний ни в одном из Судебников не содержится.

Во многих статьях, как было показано выше, даже при санкциях в виде смертной казни и тюремного заключения, предоставлена возможность решения вопроса о «крепкой поруке», предусматривающей возможность выдачи преступника общине под ее надзор, что не только облегчает наказание, но и преследует цель предупреждения преступлений. Выше отмечалось, что приезжающие в Россию иностранцы удивлялись принимаемыми российскими судами мерами наказания, считая их слишком мягкими по сравнению с репрессивной политикой стран Запада.

Судебник 1606/07 гг. затрагивал не только уголовную и уголовно-процессуальную сферу отношений, он принял меры и к урегулированию целого ряда гражданских правоотношений: наследственное право, залоговые и кредитные отношения, заключение сделок о холопском состоянии и выходе из него (получение отпускных), земельных спорах между крестьянами и помещиками и ряд других менее существенных отношений.

В законоположениях, касающихся земельных отношений, равно как и холопского состояния, по сравнению с Судебником 1550 г. введен ряд новых статей, учитывающих

вышедшие по этим вопросам нормативные акты после Судебника 1550 г. Так, Уложение 1 февраля 1597 г. «О полном докладном и добровольном холопстве», регламентирующее оформление холопского состояния и выхода из него, а также процедуру заключения этих договоров, порядок рассмотрения споров по ним в судах, получило отражение в 12 грани Судебника 1606/07 г. Этому вопросу посвящена гл. 21 грани 12, в которой учитываются все нововведения, предусмотренные Уложением. В гл. 150 особо оговорено незаконное «наряжение волных людей на полные или докладные холопы», за что предусмотрена «смертная казнь, как головного татя».

Указ Бориса Годунова «О разрешении вывоза крестьян служилыми людьми каждым не более двух человек» (1601 г.), возвращавший крестьянам прежний порядок выхода, учтен в грани 25 гл. 167 «О крестьянском выходе»; Указ «О выдаче отпускных грамот холопам, владельцы которых изгнали их во время голода без оформления отпуска на волю» (август 1603 г.)⁶⁵, учтен Лжедмитрием в Указе от 1 февраля 1606 г. «О возвращении прежним владельцам беглых крестьян, кроме ушедших в голодные годы», он также вошел в Судебник 1606/07 г. (грань 24. гл. 166, 168 «О беглых крестьянах»). Получили в Сводном Судебнике отражение и другие нормативные акты, принятые самим Лжедмитрием: «О запрещении составлять служилые кабалы на имена двух господ» (1606)⁶⁶, подтверждавший условия заключения кабальной сделки и внесший некоторые уточнения в правила, установленные еще в Уложением о полном, докладном, кабальном и добровольном холопстве, принятом Федором Иоанновичем в 1597 г.

Поземельные споры регулируются в нескольких гранях. Сроки исковой давности оставлены без изменений: крестьянам и помещикам — три года; по искам, затрагивающим «царя и великого князя земли», — 6 лет (13. 83).

В Сводном Судебнике подтверждено ограничение в приобретении земель духовенством, предусмотренное еще Иваном IV на Стоглавом соборе: «...архиепископам, епископам со всем собором...без царя и великого князя ведома и без доклада, [вотчин] не покупать ни у кого. А князем и детям боярским, и всяким людям

⁶⁵ Законодательные акты русского государства. С. 71—72.

⁶⁶ Указ. соч. С. 73.

вотчин без доклада им не продати же»⁶⁷. Затем Приговором 11 мая 1551 г. повторено запрещение покупки земель монастырями без доклада Ивану IV, а также завещание «без государева ведома» вотчин в монастыри в качестве вклада «по душам», в противном случае, эти земли будут «у монастырей безденежно имати на государя»⁶⁸. В 1580 г. принят Соборный Приговор «О запрещении выкупать и отнимать по суду вотчины у монастырей и духовных властей и о запрещении завещать, закладывать и продавать вотчины монастырям»⁶⁹ и в 1584 г. «Приговором в подтверждении Соборного приговора 1580 г.» продолжена политика, направленная на ограничение владельческих прав Церкви. Этими узаконениями не только запрещались земельные вклады в монастыри, но и приобретение Церковью частновладельческих земель под угрозой признания таких сделок недействительными.

Судебник 1606/07 г. (со ссылками на великого князя Ивана Васильевича и великого князя Василия Ивановича) воспроизводит запрещение светским феодалам продавать или закладывать вотчины в монастыри «без доклада», а в случае таковой продажи, «те вотчины имати на государя» (13.125).

Земли, которые «владыки и монастыри насильством [или обманом] поотнимали» у детей боярских и у крестьян «те [земли] предписывается «сыскать, чьи земли изстари, за кем те земли учинити» (13.21).

В целях оказания помощи дворянам, заложившим свои земли, были предоставлены льготные условия по уплате процентов, а в случае переплаты общей суммы заложенного, должник и вовсе от их уплаты освобождался (13.139).

Продажа и завещание княжеских вотчин тоже ограничивалась. Служилым князьям запрещалось «их старинные вотчины» не только продавать, но и менять и даже давать в приданое «за дочерьми своими и за сестрами». Вотчины бездетных князей предлагалось «имать на государя» (14. 163). В этой же главе повторялось ограничение монастырей на приобретение земель «без доклада государю и без боярского приговора» с указанием о запреще-

нии Поместной избе регистрировать подобные сделки.

В данном случае наблюдается тщательное собрание ранее вышедших узаконений по данной теме, их обработка и введение в единый свод законов с размещением по предмету регулирования в однотипных главах.

Следует отметить, что из принятых Лжедмитрием нормативных актов и внесенных изменений в Сводный Судебник явствует, что он хорошо знал законодательство предшествующих царей: Ивана Грозного, Федора Иоанновича и Бориса Годунова, умело им пользовался, дополняя отдельные статьи новеллами, которые диктовала ситуация его царствования.

Судебник 1606/07 г. регулировал более обширный по объему круг отношений, нежели Судебник 1589 г. Перед его составителями стоял ряд сложных задач: урегулирование взаимоотношений правительства с дворянством, на которое хотел бы опереться Лжедмитрий, а также и отношений крестьянства с правительством, с одной стороны, и их владельцами — дворянами и детьми боярскими — с другой, при этом крен в любую сторону, вместо урегулирования отношений, мог принести к их осложнению, поэтому Лжедмитрий осторожно балансировал буквально, что называется, «на лезвии ножа», но тем не менее ему все-таки удалось в определенной степени пойти навстречу таким социальным условиям, как крестьянство и холопство, а также во многом содействовать облегчению положения служилого дворянства, составлявшего военную силу государства. Необходимо было ужесточить борьбу с разбоями и грабежами, получившими повсеместное распространение в связи с гражданской войной, предпринять попытку введения правосудия в законные рамки, пресекая взяточничество и самоуправство в судах. Нельзя сказать, что последнее ему удалось, но меры к этому принимались. Несмотря на отсутствие у этого Судебника официального статуса, он безусловно оказал значительное влияние на судебную практику и последующее развитие законодательства, поскольку именно благодаря ему целый ряд Указов, Приговоров и Уложений, принятых за период между 1559

⁶⁷ Стоглав. Гл. 101.

⁶⁸ Законодательные акты русского государства. С. 31—33.

⁶⁹ Указ. соч. С. 57—58.

и 1607 гг. стали известны законодателям, активно использовались Приказом Одоевского при составлении Соборного Уложения.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Оба Судебника представляют существенный интерес для историков права еще и потому, что именно в них нашли свое наиболее полное отражение события, сотрясавшие Россию в конце XVI — первом десятилетии XVII вв. Кроме того, в этих Судебниках содержались принципы, на которых строилось правосудие, показывающее общий уровень юридического менталитета законодателей позднего Средневековья в России, не лишенного гуманитарной направлен-

ности, ибо сами эти сборники законов, имели в своем содержании элементы конституционализма (ст. 97 и 98 Судебника 1550 г., трансформированные в ст. 199 и 201 Судебника 1589 и гранях и главах (1.96 и 1.97) Сводного Судебника) и демократизма, поскольку они были обращены ко всем подданным России, обязывались их защищать, декларируя для всех «ровное» (равное) правосудие и обязательство преследовать преступников, независимо от их социального статуса «кто чей ни буди».

Досадно, что на сегодняшний день они забыты. Для их изучения необходима публикация новооткрытых списков и объединение усилий гражданских историков и историков-юристов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев А. И. Судебник 1589 г. и его списки // Известия Российской академии наук. — Л., 1924.
2. Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Московское государство XV—XVII вв. — Л., 1986.
3. Богословский М. М. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. // Журнал Министерства народного просвещения. — 1915. Дек.
4. Богоявленский С. К. Предисловие. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. — М., 1900.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Судебник 1589 г. Его значение и источники. — Киев, 1902.
6. Временник Ивана Тимофеева. — М., 1950.
7. Глухов В. А. Институты уголовного права в Сводном Судебнике 1606/07 гг. // Безопасность уголовно-исполнительной системы. — Псков, 2009. — № 1 (5).
8. Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. — Казань, 1863.
9. Зиновий Отенский. Послание дьяку Я. В. Шишкину // Труды отдела Древнерусской литературы. — М.; Л., 1961. — Т. XVII.
10. Копанёв А. И. Комментарий к Судебнику 1589 г. // Судебники XV—XVI вв. — М., 1952.
11. Корецкий В. И. Восстановление Юрьева дня Лжедмитрием I // Ежегодник аграрной истории. 1960. — Киев, 1962.
12. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. — М., 1975.
13. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга / Утверждение династии. — М., 1997.
14. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о Земской реформе Ивана Грозного. — Л., 1969.
15. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. — М., 1996.
16. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. — М., 1937.
17. Пересветов И. Сочинения. — М., 1952.
18. Rogov В. А. Уголовное право и карательная политика в русском государстве XV—XVII вв. — М., 1990.
19. Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. — Новосибирск, 1990.
20. Скрынников Р. Г. Третий Рим. — СПб., 1994.
21. Смыкалин А. С. Законодательные акты конца XVI — начала XVII века (Судебник 1589, 1606 / 1607). — Екатеринбург, 2005
22. Фроянов И. Я. Драма русской истории. — М., 2007.
23. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника // Источники истории. — Рязань, 2005.
24. Штамм С. И. Судебник 1497 г. — М., 1955.

Материал поступил 26 мая 2016 г.

THE FORGOTTEN CODES OF JUSTICE (1589 and 1606/07)

CHUPOVA Maria Dmitrievna — PhD in Law, Senior Lecturer of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

chupova@bk.ru

125993, Russia, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. This article discusses two Codes: 1589 and 1606/07. For unexplained reasons, these two large collections of laws almost fell out of the field of view of Soviet and modern historical and legal sciences. The objective of this article is to restore the unjustly forgotten monuments of law of the 16th-early 17th centuries: the Code of 1589, adopted during the reign of Fedor Ioannovich and Consolidated Code of 1606/07 promised to the people by Lzhedmitry (I), and released under Tsar Vasily Shuisky. Both Codes had a significant impact on the further development of the law. The 1589 Code provided the first systematization of legislation, implemented during the period subsequent to the adoption of the 1550 Code of Justice, covering the reign of Fedor Ioannovich and Boris Godunov. Many innovations of these Codes possessed a great democracy compared with previous legislation. The aim of this Code was the settlement of relations in the Russian North, not aware of feudal land tenure and serfdom.

The 1606/07 Code regulated more extensive in volume range of relations than the 1589 Code. Large-scale tasks arose before the drafters of the Code: the settlement of the government's relationship with the nobility, who Lzhedmitry wished to rely on, as well as the relations of the peasantry, with both the government and with their owners-nobles and children of Boyar, while roll in any direction, instead of establishing relations could bring to their aggravation, so Lzhedmitry carefully balanced between social groups, which explained the compromise in the consolidated code of laws.

The 1606/07 Code is a very interesting legal monument representing the first experience of systematization in the form of codification of the legislation in the history of Russian law common law. It combined rules and regulations on the basis of the subject into chapters and homogeneous chapter in the bounds, the Code comprising 25 of which. Subsequently, this way of systematizing the regulations was accepted by the members of the order of the N.I. Odоеvskiy when drafting the Council Code. It should also be borne in mind that Codes of Justice 1589 and 1606/07, irrespective of their use, indicate the level of legal thought and legal qualification degree reached by lawmakers of Russia in the late 16th and early 17th centuries. They also represent a significant interest to historians of law because they found its most complete reflection events, which shook Russia at the end of the first decade of the XVI-XVII centuries. Adopted normative acts in this period mainly became known to the legislators thanks to the texts in these Codes.

The article focuses the greatest attention on state-legal relations, the judicial system and legal proceedings, as well as undertaken by the 1589 and 1606/07 Codes combat against bribery in the judiciary. Consideration of the principles of the repressive policies of the State, made it possible to refute established in Soviet and modern literature, opinion on the strengthening of the "principle of deterrence" at the end of the 16th century, and on the basis of the analysis of the application of sanctions articles both Codes, sanctioning of offences, including serious, courts prove the democratic nature of the work carried out in these punitive policies.

Keywords: Code of Justice of 1589, Code of Justice 1606/07; State-legal relations, judicial system and legal proceedings, anti-bribery, the judicial system, criminal policy, systematization of legislation, codification of the law, the Russian North, a feudal land tenure, serfdom.

BIBLIOGRAPHY

1. Andreev A. I. Code of Justice of 1589 and it lists / Proceedings of the Russian Academy of Sciences. — L., 1924.
2. Barberini Rafael. Traveling to Muscovy of Raphael Barberini in 1565//Moscow State XV-XVII centuries. — L., 1986.
3. Bogoslovskiy M. M. More to the question of Code of Justice of 1589 //Journal of the Ministry of education. — 1915. December.
4. Bogoyavlenskii S. K. Preface. Sudebnik of Tsar Feodor Ioannovich 1589 — M., 1900.
5. Vladimirskii — Budanov M. F. Sudebnik of 1589. Its importance and sources. — Kiev, 1902.
6. Vremennik of Ivan Timofeyev. — M., 1950.
7. Gluchov V. A. Institutions of criminal law in Code of Justice of 1606/07. Security of the penal system. — Pskov, 2009. No. 1 (5).
8. Zinoviy Otenskij. The Showing of Truth to Those Asking about Neodoxy.

9. *Zinoviij Otenskij*. Message to clerk Ya.V. Shishkinu // Works of the Division of old Russian literature. — M., I., 1961. T. XVII.
10. *Peresvetov I.* Essays. — M., 1952.
11. *Kopanyov A. I.* Commentary to Sudebnik of 1589//Sudebniki XV-XVI centuries. — M., 1952.
12. *Koretsky V. I.* Restoration of St. George day by Lzhedmitriem I // Agrarian history. 1960.-Kiev, 1962.
13. *Koretsky V. I.* Formation of serfdom and the first peasant war in Russia. — M., 1975.
14. *Mejerberg A.* Traveling to Muscovy of Baron Augustin Mejerberga. /Approval of the dynasty. — M., 1997.
15. *Nosov N. E.* Becoming a Class Representative Institutions in Russia. Survey on School reform of Ivan the terrible. — L., 1969.
16. *Adam Olearius*. Narrative of travels to Muscovy. — M., 1996.
17. *Platonov S. F.* Essays on the history of the troubles in Muscovy XVI-XVII centuries. — M., 1937.
18. *Rogov V. A.* Criminal law and punitive policies in the Russian State of the XV-XVII centuries. M., 1990.
19. *Skrynnikov R. G.* Impostors in Russia in the early 17th century. Grigorii Otrep'ev. — Novosibirsk, 1990.
20. *Skrynnikov R. G.* The Third Rome. — Spb., 1994.
21. *Smykalin A.S.* Legislative acts of the late 16th-early 17th century (Sudebnik of 1589, 1606/1607). — Yekaterinburg, 2005
22. *Froyanov I. Ya.* The drama of Russian history. — M., 2007.
23. *Heinrich Staden*. About Moscow of Ivan The Terrible. German oprichnik notes. Sources of history. — Ryazan, 2005.
24. *Stamm S. I.* Sudebnik of 1497- M., 1955.